

Евдокия

Жигродская

«САНДРИЛЬОНА»

Роброн с большими красными цветами по желтому полю покрыл почти всю скамейку, и маленький старичок осторожно уселся на самый краешек, чтобы не смять пышного платья вдовствующей г-жи де Каскарю. Маленький, аккуратный одетый старичок расправил длинные локоны своего парика, оглядел стальные пряжки на башмаках и, сложив руки на высокой трости, огляделся кругом с довольным видом.

Хорошо под старость иметь такой хорошенький домик, такой сад и иметь возможность оказать гостеприимство и некоторое покровительство вдове полковника де Каскарю, которому он когда-то поставлял фураж. Полковник воевал, а г-н Фимоль торговал овсом и сеном. Благосостояние Фимоля пошло с легкой руки полковника, и Фимоль был очень польщен, когда вдова полковника обратилась к нему с письмом, прося найти ей помещение в Версале. Он предоставил к ее услугам весь свой домик и даже пустил в ход знакомства и связи, чтобы оказать ей помощь в деле, по которому она приехала из провинции.

Сидя теперь со своей гостьей, он благодушно улыбался.

Его соседка, полная, величественная дама лет за сорок, очевидно, страдала от жары и усиленно обмахивалась веером.

Ее лицо смуглой брюнетки было плохо набелено и резкой чертой отделялось от смуглой, плохо вымытой шеи.

Дама была чем-то очень недовольна.

Над круглой каменной скамьей, на фоне затейливо подстриженных тисов, мрачный фавн улыбался рассеянной загадочной улыбкой, держа в руках свирель.

Ветер слегка шевелил деревьями, и по песку дорожки ползли тени, словно черпахи.

Из-за группы деревьев видна была крыша дома с высокими трубами. Стайка белых голубей, блестя крыльями, то взлетала, то опускалась.

«Я была с ней знакома, когда она была еще г-жой Скаррон! Я ей оказала кое-какие услуги, и могла же я надеяться, что она внимательно отнесется ко мне! Представьте, она заставила меня ждать целый час в приемной, приняла в постели. И как приняла, словно я какая-нибудь мещанка. А кроме того, мне пришлось излагать свое дело при посторонних, так как, кроме меня, там была масса народа, и некоторые позволили себе улыбаться».

Желтый роброн с красными цветами заколыхался.

«Я вам очень благодарна, г-н Фимоль, что вы доставили мне возможность по-видаться с нею, но вы, кажется, не втолковали тем, кто ввел меня к вдове Скаррона: кто я такая. Мы бедны, но по знатности мы не уступим другим. Я едва выдержала, чтобы не выругать эту госпожу. Я не виновата, что я овдовела и что дочери мои выросли. Если я буду сидеть у себя в провинции, они никогда не выйдут замуж. Я обратилась к ней, как к старой знакомой! Я ведь ничего не прошу для себя, я прошу только дать возможность моим дочерям за заслуги отца прилично выйти замуж».

Старичок молчал, увлекшись видом пчел, которые жужжали около куста роз, приникали к цветам, роясь лапками в душистых лепестках.

«Что же вы молчите, господин Фимоль?» – нетерпеливо спросила дама.

«А что вам сказала маркиза де Ментенон?» – рассеянно спросил старичок, продолжая наблюдать пчел.

«Что?! Она сморщилась, точно выпила кислого вина, и сказала, точно ее за язык тянули: «Какая странная просьба? Что же я могу для вас сделать?» А когда я стала настаивать, что долг государства заботиться о судьбе дочерей солдат, убитых за свое отечество, она махнула рукой и процедила сквозь свои желтые зубы: «Ну хорошо, хорошо, я велю послать вам приглашение на придворный бал. Я могу дать возможность вашим дочерям показать себя». А дальше хотела еще что-то сказать, но меня оттеснили. Вот уже прошла неделя, я написала три просьбы и два письма, и все ничего!»

Госпожа де Каскарю опять замахала веером, старичок смотрел на пчел и улыбался своим мыслям.

* * *

*Две горлинки на ветке
Воркуют о любви.
Приди, моя Климена,
В объятия мои.*

Молодая девушка с белокурыми локонами поет, аккомпанируя себе на мандолине.

У девушки румяное личико и веселые голубые глаза. Поет она с увлечением и очень фальшивит на высоких нотах.

Эти фальшивые ноты заставляют морщиться другую девушку, стоящую у окна.

Ее черные брови сдвигаются, и красивый рот презрительно кривится.

Девушка стройна, высока ростом. Она хороша и надменна, как красная роза, украшающая ее темные волосы.

Птичка, сидящая за окном на ветке клена, кажется, залюбовалась на нее, потому что сидит как очарованная и только изредка попискивает.

*Мне не страшна измена,
Амур союзник мой.
Со мной моя Кли-и-и-мена...*

Нота так резка и пронзительна, что птичка шарханулась в сторону, а девушка, стоящая у окна, резко оборачивается.

«Когда ты перестанешь рвать мне уши?» – раздраженно спрашивает она.

Певица словно подавилась, замолкла и пугливо оглянулась на красавицу.

«Отчего же мне нельзя петь, Берта?» – спросила она жалобно.

«Ты скрипишь, как пила. Неужели ты воображаешь, что твое пение доставляет удовольствие кому-нибудь?»

«А может быть, кому-нибудь и доставляет», – тихонько сказала Жанна, слегка тронув струны. Она сказала это тихонько, словно вздох вырвался. Но тонкий слух красавицы уловил слова, она взглянула с презрением на сестру и уронила:

«Провинциальным клеркам?»

И без того розовые щечки Жанны залились румянцем, она положила мандолину на стол и, встав с кресла, заговорила, волнуясь:

«Нехорошо с твоей стороны так презрительно отзываться о человеке, которого я люблю. Что же из того, что он клерк, мы сами бедны, как церковные мыши».

«Жанна де Каскарю, я на твоём месте не созналась бы, что ты дошла до такого позора, чтобы влюбиться в человека низкого происхождения. Если бы у него были миллионы, и то бы я не отдала своего сердца какому-то хаму», – сказала Берта, оглядывая сестру уничтожающим взглядом.

«Ты можешь смеяться надо мной, сколько угодно. Я знаю, что мать не позволит мне выйти за него замуж, что ж, я пойду в монастырь, но никогда ему не изменю, а ты можешь выходить за жениха, которого мать выпросит для тебя у маркизы де Ментенон, но я сдержу слово, данное мною Андре Моливару!»

И Жанна заплакала.

Ее сестра опять презрительно посмотрела на нее, и маленькая ручка в черной митенке поправила красную розу.

«Ты очень ошибаешься, если думаешь, что я соглашусь выйти замуж за бедного дворянчика, которого, может быть, откомандируют жениться на одной из нас. Если я выйду замуж, то только за того, кого полюблю».

«Да, да, конечно, ты можешь полюбить только знатного и блестящего кавалера, ты всегда это говорила», – обиженно сказала Жанна.

«Прибавь еще, что самого красивого мужчину из всей гвардии короля!»

«Скажите, какие скромные желания, ты, наверное, думаешь...»

Она не договорила, потому что на дворе раздался гневный голос г-жи де Каскарю:

«Да как ты осмелилась явиться сюда, дрянная девчонка?»

Обе сестры, забыв свои пререкания, высунулись из окна.

У подъезда стояла тележка, запряженная белой, посеревшей от старости лошадью, краснощекий парень неподвижно сидел на козлах и сонно поглядывал на г-жу де Каскарю, всю красную от злости, а из тележки вылезала маленькая горбатая фигурка в темном плаще с капюшоном.

Фигурка соскочила с подножки и заявила звонким голосом:

«Вот и я! Не бранись так громко, мать, ведь я тебя предупреждала, что все равно я приеду».

«Это Эмеранс!» – воскликнули девушки. Маленькая горбунья подняла голову вверх и крикнула им звонко:

«Здравствуйте, индюшки!»

* * *

Г-жа де Каскарю после смерти своего супруга, убитого в сражении, осталась с тремя дочерьми почти без средств. Правда, у них был замок, если можно было назвать замком длинное двухэтажное строение под высокой черепичной крышей.

пятьдесят акров земли, довольно скверной земли, в десяти лье от маленького провинциального городка.

Г-же де Каскарю было трудно, очень трудно поддерживать свое дворянское достоинство. Она вела хозяйство, как самый дельный мужчина, и в домашних продуктах не было недостатка, кормились хорошо, сытно, но откуда было взять денег на приличное приданое дочерям?

Она дрожала над каждым грошом, и только когда деревенский сапожник отказывался класть заплатки на ее башмаки, она покупала себе новые. Дома и она, и дочери ходили летом в холщовых платьях, а зимой холст заменялся домотканым сукном. И только по воскресеньям, когда из сарая выкатывалась повозка без стекол, запрягаемая рабочими лошадьми, надевались шелковые платья, которые после обедни бережно укладывались в сундук.

Да, деньги копились медленно, а дочки росли быстро, надо было подумать о их судьбе. О судьбе двух младших, Берты и Жанны, конечно. У Эмеранс уже была судьба. Эмеранс была хрома и горбата. Значит, для нее все было кончено.

Берта и Жанна выросли. Одна была красавицей, другая похуже, но все же здоровая и красивая девушка, а женихов не было.

Г-жа де Каскарю была честолюбива и никогда бы не позволила своим дочерям выйти замуж за не дворянина, хотя бы и богатого, а где было взять этих дворян!

Цвет их округа весь жил при дворе, осталась такая мелочь и калечь, которая сама искала случая поправить свои дела женитьбой на богатой мещанке.

Сидя у камина в зимние вечера, мать обдумывала, прикидывала и молилась за исполнение женихов.

Думая эти думы, она шевелила спицами, а девушки жужжали прялками.

Берта и Жанна зимой затихали в неисходной скуке.

Летом можно было хотя бы погулять или изредка съездить в город, но зимой вокруг замка лежал снег или была непролазная грязь. Было так пусто, тихо, уныло: деревья скрипели, собаки выли ночью, днем каркали вороны, стряхивая снег с ветвей, маленькие тусклые стекла в свинцовых рамках дребезжали от ветра, а этот ветер гудел и выл в трубах, ухал на чердаках и хлопал дверями.

Берта и Жанна шили и пряли. Уже вышиванье было бы приятным развлечением, но для вышиванья нужны были шелка, шерсть, золото, а это надо было купить, а купить, значит, разменять один из эю, что тщательно хранились в шкатулке, спрятанной в тайничке под кроватью г-жи де Каскарю.

Да, не весела была жизнь девушек, одна только Эмеранс не скучала, но зато она и вела себя совсем не так, как подобает благородной барышне, якшаясь со всякой сволочью.

Мать смотрела на это сквозь пальцы.

Эмеранс была убогая, на замужество ей нечего было рассчитывать, пусть живет, как знает, да и лучше, когда эта злая кошка не вертится целый день под ногами.

Эмеранс дружила с челядью, и тогда, когда ее сестры изнывали от тоски за своими прялками в зале замка, она сидела в людской, слушая песни и сказки. Она часто удирала в город, ей нипочем было сделать пешком десять лье туда, а оттуда ее привозил кто-нибудь из знакомых, иногда на тележке, а иногда за седлом на лошади. Ей были все знакомы, начиная от самого богатого купца в городе и кончая самым бедным крестьянином в окрестностях.

Она знала все и всех, у нее была способность все разузнать, все высмотреть. Сначала мать хотела было препятствовать ее вечному шатанью по окрестностям и ее знакомствам, но с Эмеранс было трудно справиться, она была упряма и зла, бранилась с матерью, вылезала в окно, если ее запирали, кусалась и царапалась, если ее били.

Но, как уже было сказано, г-жа де Каскарю последнее время смотрела на Эмеранс сквозь пальцы, потому что та заменяла газету для замка. Она знала такие вещи про некоторых людей, о которых, как те полагали, известно только им и Господу Богу. И не только известны были ей дела округа, но дела всей Франции, даже всей Европы.

Эмеранс имела еще одно преимущество перед сестрами: она могла читать не только молитвенник, но всякую книгу и даже писать.

* * *

И вот, сидя у большого камина, в котором горело большое полено, в зимние вечера г-жа де Каскарю шевелила спицами.

Не стене колыхались тени, выл ветер за окном, а она думала, пока не придумала. Она даже приостановила свою работу, когда эта мысль пришла ей в голову.

Надо ехать ко двору!

Красота Берты будет замечена, Жанна тоже не урод... По сведениям Эмеранс, гувернантка детей г-жи де Монтеспан, вдова писателя Скаррона, владеет теперь Францией, г-жа де Каскарю когда-то была с ней знакома; что если явиться к ней и напомнить о старой приязни? Ведь не денег, не места она будет просить. Она будет только просить найти женихов девушкам благородного рождения и сиротам офицера, умершего за своего короля.

Г-жа де Каскарю скоро-скоро шевелила спицами, обдумывая этот план и мысленно считая экю в заветном ларчике. Носок довязывался, последняя петля была наконец закреплена – нитка выдернута и оторвана. И г-жа де Каскарю решительно произносит:

«Дочки, мы едем в Париж!»

* * *

Берта и Жанна неодинаково отнеслись к этому решению.

Берта торопила мать, а Жанна заливалась слезами, уверяя, что она не может расстаться с родным домом.

Но причина слез Жанны была другая.

Полгода тому назад Эмеранс в числе прочих новостей сообщила, что на место умершего старика Марказеля нотариус нанял нового клерка. Зовут его Андре Моливар. Высокий молодой человек с бледным лицом, глаза синие, камзол зеленый, отец его золотых дел мастер в Авиньоне, нанял он комнату у бабушки Ламуж. Одним словом, Эмеранс уже знала все.

В ближайшее воскресенье Эмеранс, сидя в церкви, ткнула в бок Жанну и шепнула ей:

«Смотри, клерк нотариуса пялит на тебя глаза!»

Прошло недели три, и Эмеранс объявила:

«Клерк в тебя влюбился!»

И вот, если бы Эмеранс не была грамотна, эта любовь не имела бы никаких результатов, но Эмеранс читала романы, знала все любовные интрижки в городе и, лишенная возможности сама их заводить, с увлечением занималась чужими.

Она начала бегать от сестры к клерку, от клерка к сестре, сначала передавая поклоны, потом записки, и наконец устроила им свидание за мельницей.

Масса других интересных дел скоро отвлекли Эмеранс от этого романа, но молодые люди успели полюбить друг друга, и немудрено, что Жанна плакала, собираясь в Париж.

* * *

У Берты было тоже приключение, только совершенно в другом роде.

Как-то, в то же лето, она пошла пройтись к той же мельнице, где происходило свидание ее сестры с Андре Моливаром.

Солнце садилось, вечер был тихий, Берта шла по меже, между высокой пшеницей, мелькая белым платком, накинутым на голову. Чтобы пройти на мельницу, нужно было пересечь большой Парижский тракт. Подходя к нему, она услышала топот четырех лошадей и поверх волнующегося моря колосьев увидела трех всадников и одну вьючную лошадь. Впереди ехал стройный офицер, а за ним двое слуг, из которых один был солдат.

Всадники остановились на перекрестке, очевидно, не зная, куда повернуть, и офицер, оглядывая окрестность, заметил между колосьями белый платок Берты.

«Вон женщина, спроси-ка ее», – сказал он солдату.

Солдат дал шпоры лошади и подъехал к девушке.

«Эй, красотка! – смеясь крикнул он. – Которая дорога ведет в Авиньон?»

«Как ты смеешь так обращаться ко мне!» – возмутилась Берта.

«Ого! Такая хорошенькая и такая злая шельма!»

Берта замерла на секунду от негодования и потом, гордо подняв голову, крикнула:

«Убирайся, скот, и скажи твоему офицеру, чтобы он проучил тебя!»

В это время подъехал офицер.

Взглянув на девушку, он вежливо снял шляпу и, держа ее в руках, почтительно произнес:

«Прошу извинения, сударыня, за моего слугу, может быть, вы будете так любезны указать нам дорогу».

Берта молча указала.

Офицер еще раз низко поклонился, и все трое крупной рысью поехали вперед.

Берта стояла как очарованная.

Облачко пыли еще крутилось, розовое от заката, трещали кузнечики, репейник топорился близ дороги, и колосья, тоже розовые, переливались под ветром.

Берта вернулась домой с горящими щеками, за ужином она была рассеяна и ничего не ела.

Ночью, уткнувшись в подушку, она старалась как можно яснее вспомнить лицо офицера: красивое смуглое лицо с черными, закрученными кверху усами над ярким ртом и светлыми-светлыми глазами.

Очевидно, он дворянин и богат, так как путешествует со слугами и на таких прекрасных лошадях. Кто он? Куда и откуда едет?

Это Берта узнала на другой день вечером.

Эмеранс, пропадая с утра, явилась к ужину в сильном волнении и рассказала, что в городе, в «Зеленом ястребе», переночевал капитан королевских мускетеров, Роже Неваль де Клавины, ездил он в замок хоронить своего дядю и получил огром-

ное наследство, ему двадцать шесть лет, а он уже капитан, его мать была фрейлиной при покойной королеве, а он сам друг брата короля, их фамилия одна из самых знатных во Франции, а теперь прибавилось еще богатство после смерти двоюродного дяди. Все это она узнала от денщика капитана, который оказался славным малым, он из Вандеи, был прежде хлебопеком, имеет мать и двух сестер, из которых одна замужем за фермером на родине, а другая служит прачкой при дворе.

Одним словом, Эмеранс знала все и болтала до поздней ночи.

Мать и Жанна ушли спать, а Берта, сложив руки на коленях и полузакрыв глаза, все слушала сестру и мечтала.

Красавец офицер так овладел мыслями Берты, что жизнь без него казалась немислимой. Она должна сделаться его женой, блистать при дворе и жить в роскоши. Но как достигнуть этого?

Берта решила на страшное дело – она решила пойти к Матюрене Жиго.

Старая Матюрена жила в трех лье от замка в заброшенной кузнице.

Кузницу забросили, потому что кузнец повесился, и его призрак долгое время был единственным жильцом этого дома, а в таком обществе кто бы стал жить, кроме старой Матюрены Жиго, ее это не пугало, она была запанибрата со всей чертовщиной во всем округе.

Старой Матюрене давно бы следовало гореть на костре, но времена стали, во-первых, легче, а во-вторых, без Матюрены все были как без рук: она заговаривала коров от ящура, помогала при родах, отвращала засуху и вылечивала лихорадку. Кюре поднимал было вопрос о привлечении Матюрены к ответственности, но епископ, которому она свела мозоли на ногах, замаял дело.

Берта отправилась к Матюрене, когда уже стемнело, и сердце ее усиленно билось, когда она постучала в дверь кузницы.

Матюрена отворила дверь и зажгла сук сосны.

Берта дрожала от страха и пугливо оглядывала земляной пол, низкий прокопченный потолок и фигуру старухи при красноватом свете самодельного факела.

Целую неделю колдовала Матюрена для Берты, совсем измучилась!

Целую неделю производились магические опыты, за которые Берта приносила колдунье кур, кроликов, куски полотна и даже два золотых кольца.

Дело было очень трудное, по словам Матюрены, ведь надо было не только приворожить красавца капитана, а еще заставить черта свести этого мускетера с Бертой так, чтобы она могла вколоть в его платье «мертвую косточку».

Для приготовления этой косточки требовался черный кот без единого белого пятнышка, его Берта под руководством Матюрены должна была убить, причинив ему как можно больше мучений. Черных котов колдуньи всех перевели, но Берте не доставляло трудности достать свою жертву, у Эмеранс был как раз такой кот.

Если Эмеранс любила кого-нибудь, так это своего кота Мистигриса да еще немножко свою сестру Жанну.

Эмеранс была в отчаянии от пропажи кота, и так как Эмеранс умела узнавать все, то, конечно, скоро узнала, кто был виновником мучительной смерти ее любимца.

Эмеранс обыкновенно кричала и ругалась, когда ее обижали, но тут горе ее было так сильно, что она два дня не ела и лежала, зарывшись в сено, в сарае.

Вышла она оттуда похудевшая, если Эмеранс могла еще похудеть, бледная, с горящими заплаканными глазами.

Встретив Берту, она подошла к ней вплотную и сквозь зубы сказала:
«Чертовы червонцы всегда превращаются в угли. Помни это, m-lle Берта!»

«Что ты болтаешь, жаба?» – презрительно посмотрела Берта на сестру.

«Я не знаю, что ты просила у черта, но помни, что черт всегда останется чертом и менять своего характера не будет для такой дряни, как ты. Увидишь, как он тебя посадит в конце концов. У-у, грязная корова!»

За эти последние слова благородная девица Эмеранс де Каскарю получила такую пощечину от своей не менее благородной сестры, что полетела с ног.

* * *

Решившись на смелый шаг, г-жа де Каскарю начала свои сборы.

У нее был только один знакомый в Париже – г-н Фимоль, и к нему-то она и обратилась с просьбой приискать ей помещение.

Скоро пришло письмо, в котором г-н Фимоль предоставлял в распоряжение г-жи де Каскарю свой домик и сад в Версале, где в настоящую минуту находился двор. Это было очень удобно и сокращало расходы.

Туалеты решено было шить в Париже, провинциальная портниха могла осрамить.

Эмеранс, узнав о решении матери, спросила:

«Вы, кажется, не хотите меня брать?»

«А зачем тебе-то ехать?» – удивилась г-жа де Каскарю.

«Как зачем? Я там увижу столько интересных вещей. Я хочу посмотреть на придворных, на всех людей, о которых так много говорят. Мать, хоть раз в жизни не обижай меня, я согласна ехать как служанка», – кротко попросила Эмеранс.

«Вот еще выдумала! Куда еще тебе тащиться? Не замуж же тебе, уродина, выходить? Стыдно и показать-то тебя!» – оборвала эти просьбы мать.

Поднялась ругань, и окончилось тем, что г-жа Каскарю надавала дочери пощечин.

Дороги были плохи и местами не безопасны, но семейство де Каскарю отправилось и доехало благополучно.

Последнее слово Эмеранс, сказанное матери, было: «Вот увидите, что я сама приеду».

В тот день, когда Эмеранс исполнила свое обещание, она даже не отдохнула с дороги.

Съев кусок хлеба с маслом, она куда-то исчезла и стала исчезать с утра до поздней ночи.

О, Версаль был куда интереснее, чем родной город!

И маленькая горбунья была на верху блаженства. Она уже пробралась во дворец, правда с заднего крыльца, но там уже по коридорам нетрудно было пробраться и до королевских покоев.

* * *

Приглашение на бал было получено, и шились туалеты.

Берта очень волновалась. Все шло как следовало, чары действовали, они привели ее в тот же город, где он жил, а там, на балу, они дадут ей случай вколоть в его платье мертвую косточку. Она видела его каждый день проезжающим с другими офицерами мимо их дома, и сердце ее замирало и билось, когда его рассеянный взгляд встречался с ее глазами.

Она не сомневалась, что он узнал ее и, наверное, так же мечтал о ней, как и она о нем. Она была слишком красива, чтобы не произвести неизгладимого впечатления на кого бы то ни было, хотя бы на первого красавца королевской гвардии.

Один раз, в группе проезжающих офицеров, она услышала возглас:

«Вот так красавица!»

Конечно, это сказал он!

Скорей бы наступил этот день бала. Мечты девушки крутились и неслись, как вихрь по дороге, когда солнце еще блещет, а вдаль надвигается туча, в ней тревожно сверкают молнии, трава прилегает к земле в сладком ужасе, и в истоме вздрагивают придорожные тополя.

* * *

«Я возмущен вашим поведением, г-н капитан де Клавињи. Маркиза вчера утешала вашу мать! Хотя бы ради этой святой женщины вы должны исправиться. Ваши дебоши – непозволительны! Маркиза и я, мы решили вас исправить, вернуть вас к обязанностям нравственного человека и заставить вас исполнить желание вашей матушки. Потрудитесь жениться!»

Капитан стоял, почтительно склонившись, положив руку на эфес шпаги и опустив к ноге свою шляпу. Перо шляпы касалось блестящего паркета.

Король скучающим взглядом окинул молодого человека.

«Идите и помните, что как можно скорее вы должны быть женаты, и маркиза была так добра, что позаботилась о приискании вам приличной невесты. Идите и помните, что через месяц, не позже, вы должны быть женаты на одной из девиц де... де...». – Король порывлся на столе, взглянул на какую-то бумажку и решительно произнес: «На одной из девиц де Каскарю, дочери нашего полковника. Можете идти!»

Молодой офицер почтительно склонился.

Лицо капитана де Клавињи сразу изменилось, едва дверь королевского кабинета затворилась за ним. За минуту почтительно-равнодушное, оно выражало теперь бешенство. Бледные щеки его покрылись румянцем, а светлые глаза стали еще больше и светлее.

Он быстро прошел приемную. В приемной царил полумрак от спущенных от солнца маркиз, было прохладно и тихо, группы придворных тихо шептались.

Капитан нарушил эту тишину своими шагами и звоном шпор. Выйдя на двор, он вскочил на лошадь и помчался во весь дух по двору, желая быстрой ездой успокоить себя, он даже не заметил, как в воротах чуть не задавил маленькую горбатую фигурку, едва успевшую отскочить в сторону. Капитан скакал, как бешеный, словно за ним гнались фурии в виде неизвестных ему девиц де Каскарю.

* * *

Жанна горько плакала.

Приехав в Версаль, она немного рассеялась.

Девушка в семнадцать лет быстро рассеивается, и даже сильная любовь может поблекнуть в разлуке, когда кругом так много новизны и развлечений, но в костер любви Жанны Эмеранс подбросила нового топлива.

Она привезла письмо Жанне от Андре, и не простое письмо, а письмо со стихами. Бедный Андре умолял не забывать его, любить, грозил умереть, если она ему изменит, и намекал, что если она будет верна и тверда, то Бог может соединить их, потому что его судьба изменится. Стихи, которыми кончалось письмо, были очень плохи, но очень трогательны и показались Жанне перлом поэзии, в них говорилось о потухших факелах, умирающем пастушке и о хижине у моря.

Жанна совсем расстроилась.

Она рыдала на плече Эмеранс, приговаривая:

«О, я несчастная! Что мне делать, что делать?»

«Слушай, если ты не совсем дура и не такая мямля, какой ты кажешься, я научу тебя, что делать, – сказала Эмеранс, подтолкнув сестру в бок, чтобы придать ей бодрости. – Твой дуралей в письме пишет одни глупости, а о деле он поручил мне переговорить с тобой. Андре получает очень хорошее место в одной шелковой торговле в Генуе, и ему надо ехать».

«Боже мой, значит, все кончено!» – в отчаянии воскликнула Жанна и опять залилась слезами.

«Ничего не кончено, а только начинается, – прервала горбунья ее слова, дав ей пинок. – Не реви и слушайся меня. Если мать найдет тебе жениха, сбег!».

«Как? Куда?»

«У меня есть друзья, которые берутся тебя довести до дома, там Моливар возьмет тебя с собою, а в Италии вы повенчаетесь».

«Это невозможно! Мать пожалуется королю, за мной пошлют погоню, бедного Андре арестуют!»

«Ты утонешь».

«Как утону?»

«Положись на меня, если тебя будут искать, то только на дне Версальского пруда. Ты только молчи, я все устрою. Давно уже собиралась отомстить матери за все побои, а прекрасной Берте я устрою такую штуку, что... Ты молчи и слушайся».

Если у красавца капитана не разлилась желчь, то только потому, что, обладая железным здоровьем, он вообще не мог болеть.

Все соединилось против него.

Мать давно страшала, что пожалуется на него королю.

Она была в отчаянии от его поведения, от скандалов, дуэлей и кутежей и давно требовала от него, чтобы он женился и продолжил род де Клавињи.

Теперь она исполнила свою угрозу.

Г-жа де Клавињи попала к маркизе, очень к ней благоволящей, в подходящий момент.

Маркиза только что убеждала короля, что нравственность падает и что придворная молодежь возмутительно распущена.

Когда г-жа де Клавињи в слезах стала жаловаться ей на сына, Ментенон произнесла решительно:

«Самое лучшее, что вы можете сделать, – это женить немедленно вашего сына. Все его безобразия и толки о нем прекратятся».

«Да, но он не соглашается жениться», – утирая слезы, сказала огорченная мать.

«Король ему прикажет. А кстати, я могу рекомендовать невесту. Вы теперь богаты и приданого вы, наверное, не ищите. Поведение вашего сына здесь всем известно, и родители девиц, пожалуй, будут упираться. У меня же есть две девицы хорошего рода, он может выбрать одну из них. Мать их страшно назойливая женщина и, конечно, не может быть вам очень приятна, но ей после свадьбы намекут, чтобы она возвращалась к себе в замок».

Дело было решено.

Капитан пробовал искать защиты у Филиппа Орлеанского, но тот замахал руками.

«Во имя бога, не просите меня! Ссориться с маркизой?.. Нет, нет! – твердил он капризно. – И что вам стоит жениться... Я же женат? И вы можете воспитать свою жену так, чтобы она не вмешивалась в ваши дела».

Капитану ничего не оставалось делать, как жениться на одной из девиц де Каскарю. Но откуда угрожала ему опасность, оттуда пришло и спасение.

Как раз накануне бала красавец капитан, потерявший всякую надежду, встал мрачные тучи. Шоколад, поданный ему, был горек и не шел в горло. Он вспомнил вчерашний вечер, проведенный в кругу товарищей, многие его жалели, некоторые смеялись.

Самолюбие капитана страдало, и он был бессилен отомстить. О, если бы он мог, с каким бы наслаждением он отомстил матери, маркизе и всем, кто мешался в его дела.

Золотые дни его свободной жизни кончаются. Конечно, есть много женатых людей, которые ведут себя как холостые, но это приходит потом, а первое время эта девица де Каскарю будет требовать от него любви, ласки, хныкать, жаловаться матери, та побежит к маркизе. Драмы, истерики.

Думая об этом, капитан так озлоблялся, что не мог сидеть, и, бегая по комнате, шептал сквозь зубы:

«Черт бы побрал эту девицу де Каскарю!»

Стук в дверь прервал его горькие мысли.

«Г-на капитана спрашивает дама», – доложил появившийся на пороге слуга.

«Кто она такая?» – с удивлением спросил капитан.

«Она назвалась девицей де Каскарю», – доложил слуга.

* * *

Эмеранс сидела в кресле, не доставая ногами до полу и держа свою палку на коленях, говорила спокойно, прямо смотря на капитана.

«Таким образом, вы исполните приказ его величества и не возьмете на себя никаких обязательств. Вы сами понимаете, что я не буду предъявлять вам никаких претензий. Вам даже не надо выезжать со мною, вы даже можете никогда со мною не видеться, и даже если вы влюбитесь, предмету вашего увлечения нельзя будет ревновать ко мне. Одним словом, с которой стороны вы ни взглянете на наш брак, он удобен и для вас, и для меня».

«Позвольте вас спросить, mademoiselle, а зачем вам этот брак?» – спросил капитан, подозрительно взглядывая на Эмеранс.

Она улыбнулась своим большим ртом, хитро прищурилась и, приложив палец к носу, сказала:

«Г-н капитан, если бы вас всю жизнь унижали, били и считали каким-то отбросом человечества и о вас говорили всегда как не о человеке, а о паршивом животном, ежеминутно возвеличивались перед вами, захотелось бы вам раз в жизни щелкнуть по носу эту публику? Теперь вообразите – вдруг я выхватываю из-под носа красавицы жениха, делаюсь богатой придворной дамой, женою красавца, который предпочел меня всем! Я, я – презренное ничего, и я выбрана, предпочтена красавице Берте! Ах, г-н капитан, да за день такого торжества я готова у вас на кухне исполнять черную работу всю мою жизнь!»

Капитан слушал Эмеранс, глядя на плац, где взвод солдат на рысях производил учение. Ровно встряхивались всадники, ровной сеткой мелькали лошадиные ноги, маленькая черная собачка громко лаяла, несясь впереди взвода, из окна портшеза, несомого слугами, выглядывало желтое лицо старика в пышном белокуром парике.

«Подумайте, в каких дураках вы оставите всех! – говорила Эмеранс. – Какая хорошая месть для тех, кто поставил вас в дурацкое положение. Вам велели взять в жены одну из девиц де Каскарю, и вы выбрали старшую из них, m-ll Эмеранс».

Она спрыгнула с кресла и низко присела перед капитаном, держа под мышкой свою палку.

Капитан вдруг ударил кулаком по столу и разразился хохотом.

«Нос! Какой прекрасный нос я натяну всем! – воскликнул он и тоже, низко склонившись, произнес торжественно: – M-llе де Каскарю, почтительно прошу у вас разрешения просить у вашей матери вашей руки».

Прошло уже два часа, и, к удивлению слуг, посетительница не уходила. «Она ведьма и колдует ему», – решили они. А капитан и Эмеранс сидели, положив локти на стол, пили вино, чокались и в подробностях развили свой план мести.

* * *

Берта сидела на скамье в саду, она закинула голову, закрыла глаза, вся отдавшись сладким мечтам, а над скамьей загадочно-насмешливой улыбкой улыбался мраморный фавн на фоне подстриженных тисов. Перед закрытыми глазами девушки, под звуки музыки, под огромными люстрами, свесившимися с потолка огромного зала, плыла толпа танцующих. Шелестели шелковые роброны, шаркали башмаки, матово отливал бархат и блестел атлас. Между подолами пестрых платьев мелькали светлые чулки и башмаки с пряжками, шпаги задевали за кружевные оборки, на диванах шевелились веера и качались головные уборы сидящих старух, в открытые окна было видно темное небо, на котором горели звезды.

Она, Берта, плыла в этой толпе с «ним», и он, склоняясь к ней, говорил:

«Знаете ли вы, mademoiselle, что по некоторым причинам я очень счастлив, что вы так благосклонно относитесь ко мне, я сделаю все, чтобы заслужить вашу дружбу».

Она знает, что это действует ее талисман, незаметно воткнутый ею в его рукав. Она грезит, закрыв глаза, и ей слышатся звуки музыки, шарканье ног, шелест шелка, и сквозь хаос этих звуков звучит голос капитана, который, подведя ее к матери, просит у той разговора наедине, завтра в час после полудня.

«Завтра после полудня!» – громче всего звучит в ушах Берты.

* * *

И ровно в час пополудни разразилась катастрофа.

Во двор въехала карета капитана с гайдуками и скороходами.

Капитан был торжественен и важен, и не менее важная, хотя вся красная от волнения, выплыла ему навстречу г-жа де Каскарю. Четверть второго карета капитана отъезжала от крыльца, а г-жа де Каскарю и Жанна хлопотали около лежащей в обмороке Берты.

* * *

Свадьба состоялась и очень веселая свадьба.

«Я никогда так не веселился, – говорил Филипп Орлеанский, – эта фея де Карабас – невероятно мила!»

На другой день праздник омрачился трагическим происшествием.

В пруду нашли лодку и в ней платье m-lle Жанны де Каскарю. Пруд обыскали баграми, но трупа не нашли.

Молодая г-жа де Клавины под большим секретом рассказала самым большим сплетницам, что Жанна утопилась оттого, что Рене предпочел ей Эмеранс. Она была так расстроена, так огорчена, что даже не проводила свою мать и сестру, уехавших к себе домой.

Это супружество было примерным, никогда ни одной ссоры не было между супругами. Рене даже исполнял иногда странные прихоти своей жены, например, он ежегодно посылал довольно крупную сумму какому-то семейству Моливар в Италию.

Одного не хватало, судьба не награждала потомством чету де Клавины.

«Молитесь, дитя мое», – говорила маркиза де Ментенон, которой Эмеранс так понравилась своим благочестием и умом, что очень скоро сделалась ее любимицей. – Молитесь, и Бог пошлет вам детей».

«О, я молюсь, но это почему-то не помогает», – отвечала Эмеранс, набожно складывая руки.

